

Содержание

СКАЗКА БОЧКИ. Перевод А. Франковского

Апология автора	8
Достопочтенному Джону лорду Сомерсу.	24
Книгопродаец — читателю	29
Посвятительное послание его королевскому высочеству принцу Потомству	31
Предисловие	38
Раздел I	50
Раздел II	64
Раздел III	80
Раздел IV	91
Раздел V	106
Раздел VI	114
Раздел VII	122
Раздел VIII	128
Раздел IX	137
Раздел X	153
Раздел XI	160
Заключение	175

ПАМФЛЕТЫ

Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймсской библиотеке. <i>Перевод</i> <i>Ю. Левина.</i>	181
--	-----

Размышления о палке от метлы. <i>Перевод</i>	
Б. Томашевского	213
Когда я состарюсь, то обязуюсь... <i>Перевод</i>	
А. Ливергантта	215
Рассуждение о неудобстве уничтожения	
христианства в Англии. <i>Перевод</i>	
Б. Томашевского	216
Бумаги Бикерстаффа. <i>Перевод</i> Б. Томашевского . .	235
Краткая характеристика его светлости графа	
Томаса Уортона, вице-короля Ирландии.	
<i>Перевод</i> М. Шерешевской	268
Предложение об исправлении, улучшении	
и закреплении английского языка. <i>Перевод</i>	
М. Шерешевской	274
Совет молодому поэту. <i>Перевод</i> Ю. Левина	287
Беглый взгляд на положение Ирландии. <i>Перевод</i>	
М. Шерешевской	313
Скромное предложение. <i>Перевод</i>	
Б. Томашевского	323
Истинный и правдивый рассказ. <i>Перевод</i>	
М. Шерешевской	336

Сказка бочки

Diu multumque desideratum.

Basima eacabasa eanaa irraurista, diarba da caeotaba
fobor camelanthi.

Iren. Lib I, c.18.

Juvatque novos decerpere flores,
Insignemque meo capiti petere inde coronam,
Unde prius nulli velarunt tempora Musae.

Lucret.

Труды того же автора, большая часть которых упоминается в настоящем сочинении; они будут изданы в самом непродолжительном времени.

Характер теперешнего поколения умников на нашем острове.

Панегирическое рассуждение о числе ТРИ.

Диссертация о главных предметах производства лондонской Граб-стрит.

Лекции о рассечении человеческой природы.

Панегирик человеческому роду.

Аналитическое рассуждение о рвении, рассмотренном историо-тео-физи-логически.

Всеобщая история ушей.

Скромная защита поведения черни во все времена.

Описание королевства нелепостей.

Путешествие в Англию высокопоставленной особы из Terra Australis incognita¹, переведенное с подлинника.

Критическое исследование искусства говорить нараспев, рассмотренного философски, физически и музыкально.

¹ Неизвестная южная земля (*лат.*).

Апология автора

Если бы доброта и злоба оказывали на людей одинаковое влияние, я мог бы избавить себя от труда писать эту апологию, ибо прием, оказанный моему сочинению, ясно показывает, что огромное большинство людей со вкусом высказалось в его пользу. Все же появилось два или три трактата, написанные явно против него, не считая множества мимоходом брошенных колких замечаний по его адресу; в защиту же моего произведения не было напечатано ни одной строчки, и я не могу припомнить ни одного сочувственного отзыва о нем, если не считать недавно напечатанного одним образованным автором разговора между действом и социнианцем.

Поэтому, раз моей книге суждено жить до тех пор, по крайней мере, покуда язык наш и наши вкусы не подвергнутся сколько-нибудь значительным изменениям, я готов привести несколько соображений в защиту ее.

Большая часть этой книги была написана лет тринацать назад, в 1696 году, то есть за восемь лет до ее выхода в свет. Автор был тогда молод, горазд на выдумку, все прочитанное им было свежо в голове. При содействии собственных размышлений и многочисленных бесед он старался, насколько мог, освободиться от действительных предрассудков; я говорю действительных, ибо автору известно было, до каких опасных крайностей

доходят иные люди под видом борьбы с предрассудками. Подготовленный таким образом, он пришел к мысли, что множество грубых извращений в религии и науке могут послужить материалом для сатиры, которая была бы и полезна, и забавна. Он решил пойти совершенно новым путем, так как публике давно уже опротивело читать одно и то же. Извращения в области религии он задумал изложить в форме аллегорического рассказа о кафтанах и трех братьях, который должен был составить основу повествования; извращения же в области науки предпочел изобразить в отступлениях. Был он тогда юношей, много вращавшимся в свете, и писал во вкусе подобных ему людей; и, чтоб им понравиться, он дал своему перу волю, не подобающую в более зрелом возрасте и при более серьезном складе ума; все это легко было бы исправить при помощи очень немногих помарок, будь рукопись в распоряжении автора год или два до ее опубликования.

Но в своих суждениях автор вовсе не хотел бы считаться с нелепыми придирками злобных, завистливых и лишенных вкуса глупцов, о которых упоминает с презрением. Автор признает, что в книге его содержится несколько юношеских выходок, заслуживающих порицания со стороны людей серьезных и умных. Однако он желает нести ответственность лишь в меру своей вины и возражает против того, чтобы его ошибки умножались невежественным, чрезмерным и недоброжелательным усердием людей, лишенных и беспристрастия, чтоб допустить добрые намерения, и чутья, чтоб распознать намерения истинные. Сделав эти оговорки, автор готов поплатиться жизнью, если из его книги будет добросовестно выведено хоть одно положение, противоречащее религии или нравственности.

С какой стати духовенству нашей церкви негодовать по поводу изображения, хотя бы даже в самом смешном

виде, нелепостей фанатизма и суеверия? Ведь это может быть самый верный путь излечиться от них или, по крайней мере, помешать их дальнейшему распространению. Кроме того, книга эта хоть и не предназначалась для священников, однако осмеивает лишь то, против чего сами они выступают в своих проповедях. В ней не содержится ничего, что задевало бы их, ни малейшей грубой выходки против их личности и их профессии. Она восхваляет англиканскую церковь как самую совершенную среди всех в отношении благочиния и догматики; не высказывает ни одного мнения, которое эта церковь отвергает, и не осуждает ничего, что она приемлет. Если духовенство искало, на кого излить свой гнев, то, по моему скромному мнению, оно могло найти для себя более подходящие объекты: *nondum tibi defuit hostis*¹; я разумею тех тупых, невежественных писак, известных своей продажностью, ведущих порочный образ жизни и промотавших свое состояние, которых, к стыду здравого смысла и благочестия, жадно читают просто по причине дерзости, лживости и нечестивости их утверждений, перемешанных с грубыми оскорблениеми по адресу духовенства и явно направленных против всякой религии; словом, полных тех принципов, что встречают самый радушный прием, так как ставят своей целью рассеять все ужасы, которые, как внушает людям религия, являются возмездием за безнравственную жизнь. Ничего похожего нельзя встретить в настоящем сочинении, хотя некоторые из этих господ с величайшей охотой набрасываются на него. Желательно, чтобы представители этой почтенной корпорации тоньше разбирались в том, кто их враг и кто друг.

Если бы намерения автора встретили менее предвзятое отношение у лиц, которых он изуважения не хочет называть, это, может быть, поощрило бы его к разбору

¹ У тебя ведь был еще враг (*лат.*).

некоторых книг, сочиненных вышеупомянутыми писаками, ошибки, невежество, тупоумие и подлость которых он способен был бы, по его мнению, изобличить и выставить напоказ в таком виде, что лица, которые, по всей видимости, в наибольшей степени поражены ими, живо присмирели бы и устыдились; но теперь он отказался от этой мысли, ибо *самым высоким* особам на *самых высоких* постах угодно было высказать, что гораздо опаснее осмеивать те извращения в религии, которые и сами они должны порицать, чем подрывать ее основы, относительно которых согласны все христиане.

Он считает неблаговидным поступком разоблачение имени автора этого сочинения, все время таившегося даже от самых близких своих друзей. Однако некоторые пошли еще дальше, объявив и другую книгу произведением той же руки, что и настоящая; автор категорически утверждает, что это совершенная неправда, он даже не читал никогда приписываемого ему произведения: наглядный пример того, как мало истины во всякого рода предположениях или догадках, основанных на сходстве стиля или манеры мыслить.

Если бы автор написал книгу, подвергающую критике извращения в юриспруденции или медицине, то, наверно, профессора обоих факультетов не только не негодовали бы против него, но были бы ему благодарны за его старания, особенно если бы он воздал должное тому, что есть истинного в этих науках. Но религию, говорят нам, нельзя подвергать осмеянию, и это правда; однако извращения в религии, конечно, можно осмеивать, ибо избитое изречение учит нас, что если религия — наилучшее, что есть в мире, то извращения в ней должны быть наихудшим злом.

Рассудительный читатель не мог не обратить внимания на то, что некоторые места этой книги, вызывающие наибольшие возражения, являются так называемыми па-

родиями; в них автор подделывается под стиль и манеру других писателей, которых хочет изобразить. Приведу в качестве примера одно место на с. 63, где пародируются таким образом *Драйден*, *Л'Эстрендж* и другие, которых не стану называть; предаваясь всю жизнь политическим интригам, отступничеству и всевозможным порокам, писатели эти притворялись страдальцами за верность присяге и религии. Так, *Драйден* в одном из предисловий говорит нам о своих заслугах и страданиях и благодарит Бога за то, что *терпением спасает душу свою*; в том же роде он говорит и в других местах; *Л'Эстрендж* тоже часто прибегает к подобному стилю; и я думаю, что читатель найдет и других лиц, к которым можно применить это место из моей книги. Сказанного достаточно, чтобы разъяснить намерения автора тем, кто почему-либо проглядел их.

Предубежденные или невежественные читатели с великими усилиями раскопали еще три или четыре места, в которых будто бы задеваются религиозные догматы. В ответ на все это автор торжественно заявляет, что он совершенно неповинен; никогда ему и в голову не приходило, что что-нибудь из сказанного им может дать малейший повод для подобных измышлений, и он берется извлечь столь же предосудительные вещи из самой невинной книги на свете. Каждому читателю должно быть ясно, что это нисколько не входило в планы или намерения автора, ибо отмечаемые им извращения таковы, что их согласится признать любой представитель англиканской церкви; и его тема вовсе не требовала касаться каких-либо других вопросов, кроме тех, что постоянно служат предметом споров с начала реформации.

Возьмем для примера хотя бы то место из введения, где говорится о трех деревянных машинах: в оригинальной рукописи содержалось описание еще и четвертой, но оно было вымарано лицами, в распоряжении которых

находились бумаги, вероятно, на том основании, что заключавшаяся там сатира показалась им слишком уж перегруженной частностями, вследствие этого им пришлось заменить число машин тремя, и кое-кто старался выжать из числа *три* опасный смысл, которого автор никогда и в мыслях не имел. Между тем от изменения чисел сильно пострадал замысел автора: ведь число *четыре* гораздо более каббалистично и, следовательно, лучше выражает мнимую силу чисел, которую автор намеревался осмеять как суеверие.

Следует обратить внимание еще и на то, что вся книга пронизана иронией, которую люди со вкусом легко подметят и различат. Она сильно ослабляет и обесценивает многие возражения.

Так как эта апология предназначается главным образом для будущих читателей, то, пожалуй, излишне считаться с тем, что написано против нижеследующего сочинения; ведь все эти писания уже успели угодить в мусорную корзинку и преданы забвению соответственно обычной судьбе заурядных критических отзывов о книгах, в которых находят какие-нибудь достоинства: они подобны однолеткам, что растут возле молодого дерева и соперничают с ним в течение лета, но осенью падают и гибнут вместе с листьями, и больше ничего о них не слышно. Когда доктор *Ичард* написал свою книгу о презрении к духовенству, немедленно появилось множество критиков, и, не оживи он память о них своими ответами, теперь никто бы и не знал, что на его книгу писали возражения. Бывают, правда, исключения, когда высокоодаренный человек не жалеет своего времени на разбор глупого сочинения; так мы до сих пор с удовольствием читаем ответ *Марвела Паркеру*, хотя книга, на которую он возражает, давно предана забвению; так *Замечания графа Оррери* будут читаться с наслаждением, когда критикуемую им *Диссертацию* никто не будет искать, да